РАЗДЕЛ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Основная битва за украинскую пшеницу урожая 1932 года началась примерно месяца за два до начала жатвы.

С конца мая в наше село стали приезжать какие-то посторонние люди и постепенно мы начали узнавать, кто они такие. Партия мобилизовала 112 тысяч своих самых надёжных и самых активных членов, чтобы организовать ударное проведение жатвы и обеспечить оперативную и бесперебойную реквизицию хлеба и перевозку на государственные ссыпные пункты. Вскоре этих партийцев стали звать "стотысячниками" или сокращенно – "тысячниками" (как раньше называли "двадцатипятитысячников"). Их было девятеро в нашем селе, по одному на каждую стохатку, и ещё один, который должен был стать тысячником при сельсовете: этот возглавлял всю группу. Предыдущего тысячника, "товарища Черепина", вместе с его командой перебросили в другое село. Эти новые тысячники немедленно взяли всё наше село под свою диктатуру, заставляя нас покоряться их воле и их требованиям.

Фамилия нашего нового сельского тысячника была Лившиц. Мы называли его "товарищ Лившиц" или просто "товарищ тысячник". Никто не знал, откуда он, но было видно, что из какого-то большого города. Манеры у него были как у горожанина, и хоть говорил он по-украински коверкано, зато пытался выражаться вежливо и даже изысканно. Он был среднего роста, без седины в чёрных волосах, хоть лет имел примерно под пятьдесят. Нам казалось, что он женат, поскольку на пальце носил золотое кольцо, но о его жене или семье мы ничего не слышали. Типичный горожанин, он своим видом не предста-

влял ничего необычного. Но всё же выражение его глаз и то, как он к нам обращался, выдавали ненависть к тем людям, которыми он должен был руководить.

Вся полнота власти в селе сразу перешла к "товарищу Лившицу" и его компании. Уже на второй день их властвования мы узнали, что они возобновили административное деление села, установленное в 30-м году нашим самым первым тысячником "товарищем Цейтлиным". Мы опять оказались в сетях таких территориальных единиц, как стохатки, десятихатки и пятихатки. Нам опять нужно было ходить на бесконечные собрания и выслушивать тошнотворные пропагандистские проповеди. Мы опять должны были участвовать в "соцсоревновании" между этими административными единицами. Нам снова пришлось "топтать тропку", на этот раз за несдачу "припрятанных излишков" продуктов и так далее.

Этот новый тысячник в дополнение к постоянным тайным информаторам ГПУ создал новую доносительскую сеть — очень простую, но одновременно и очень эффективную. Это была сеть "селькоров", то есть сельских корреспондентов. А формировалась она так: простых крестьян, преимущественно комсомольцев и школьников, сельская парторганизация или лично сам тысячник назначали корреспондентами газет. Целью их писаний в газеты вроде было информирование о том, как идут дела в селе. А на деле этих селькоров приучали выискивать всяких "предателей" и "саботажников". Особенно же их приучали доносить на тех крестьян, которые припрятывали продуктовые запасы от хлебосдачи, а также на тех, кто так или иначе проявлял враждебность к партии и правительству. Иными словами, их научили шпионить за односельчанами и сообщать обо всех своих находках и наблюдениях в редакцию районной газеты. Правда, селькоры не знали, что их писания передавались в определённые государственные органы, как правило, в ГПУ или милицию. Когда в присланных ими корреспонденциях видели какую-нибудь стоящую внимания информацию, в село посылали агента ГПУ или милиционера с целью проверить и принять соответствующие меры.

Таким образом готовилась сцена для очередной драмы с новым составом действующих лиц под руководством нового ты-

сячника. Прелюдия к ней произошла у нас по соседству: нашего соседа, Степана Шевченко, выселили из хаты.

Степан был бедняком. У него была хорошая семья, состоявшая из жены и двоих детей: мальчика девяти лет и девочки семи. Все они были здоровы и вроде бы довольны своей судьбой. Такой же бедный крестьянин, как и все мы, Шевченко отличался от нас только тем, что категорически отказывался вступать в колхоз и, хоть как это ни удивительно, умудрился при этом выжить, по крайней мере так выглядело до июня 1932 года.

Он уже заплатил все причитающиеся с него налоги деньгами и натурой за этот, 32-й, год, и думал, наверное, что власть даст ему покой хоть на некоторое время. Но он оказался чрезмерным оптимистом.

Однажды он получил официальное распоряжение о необходимости сдать государству пять центнеров пшеницы. Всё это он сдал. Но едва он успел с этим управиться, как поступило новое распоряжение. На этот раз требовали вдвое больше пшеницы, хоть власти хорошо знали, что он не в состоянии столько сдать, потому что у него уже ничего не осталось. Его объяснения были напрасными. Начальство настаивало на своём и угрожало ему высылкой в Сибирь. Он знал, что это была не пустая угроза, поэтому вынужден был продать всё, что имел ценного, включая корову, чтобы купить необходимое количество пшеницы. По наивности он поверил, что теперь уже избавился от хлопот. Но его судьба была припечатана ещё тогда, когда он отказался вступить в колхоз. Требования чрезмерно высоких норм хлебосдачи были только поводом, чтобы его разорить. И действительно, вскоре он получил неумолимый третий приказ: сдать две тонны пшеницы, да ещё и немедленно! Этого он уже никак не мог выполнить. У него не осталось ничего стоящего, чтобы продать и купить ещё больше зерна. Он и его семья уже и так лишились всего.

И вот в один фатальный день к нему пожаловала хлебозаготовительная комиссия. Она перетряхнула всю его усадьбу, в поисках спрятанного хлеба, но не нашла ничего. Несмотря на это он всё же получил ярлык кулака, и ему с семьёй приказали немедленно выбраться из хаты. Хата и всё прочее, что принадлежало Шевченко, конфисковывалось и переходило в “социа-

листическую собственность". Выслушав такой приговор, Шевченко и его семья оказали отчаянное сопротивление, их плач и рыдания и крики начальства привлекли наше внимание. Мы с братом побежали посмотреть, что там творится.

Шевченко сцепился врукопашную с несколькими членами комиссии: он пытался отбиться от них, одновременно выкрикивая, что никуда не пойдёт из хаты, которую поставил собственными руками в поте своего лица. Он молил их отстать от него, потому что он бедный и никакого зерна уже не имеет. Его жена так крепко держалась за косяк, что невозможно было её оторвать. Их перепуганные и беспомощные дети застыли на месте, как прикованные, и горько плакали. "Товарищ тысячник" не принимал участия в этой сутолоке; он только покуривал себе и следил, как подчинённые исполняют его приказы.

Наконец, справившись с Шевченко, члены комиссии связали ему за спиной руки и вывели из хаты во двор, где уже стояла наготове подвода. Жену, которая всё ещё сопротивлялась, пришлось вынести из хаты за руки и ноги и, раскачав, бросить на подводу. Детям ничего не оставалось, как покорно присоединиться к родителям. Один из членов комиссии взялся за вожжи и направил одноконную подводу с несчастными к центру села. Через некоторое время вышли из хаты и остальные члены комиссии. "Товарищ тысячник" закрыл хату на замок и все они ушли, будто ничего и не произошло.

Позже нам стало ясно, что хату Шевченко собирались превратить в штаб первой стохатки. Та хата, где раньше находился штаб, сгорела во время бунта. Вот потому и стал Шевченко невинной жертвой большевистского преступления: его хата, построенная тяжёлым трудом, была нужна, чтобы заменить уничтоженную постройку штаба. Позже мы узнали, что семью Шевченко вместе с другими обречёнными на ссылку вывезли из центра села на станцию, а оттуда – невесть куда, так что и след их простыл.

Какой-то сельский шутник, который ещё сохранил чувство юмора, прозвал новоприбывших партийных вожаков "могильщиками". Это прозвище крепко пристало к ним, и вскоре "товарищей тысячников" мы между собой стали именовать "товарищами могильщиками". Естественно, никто бы не отважился

назвать их так прилюдно. Но лучшее прозвище вряд ли можно было придумать, потому что именно при их руководстве наше село переполнилось людьми, доходившими от голода: одни уже умирали, а другие собирались умирать. Это смертное марево было очевидным для каждого, кто прибывал в село. И одновременно тысячники и тьма других полномочных представителей партии и правительства продолжали выискивать зерно от хаты к хате всё в том же темпе, хотя воочию видели жертв голодомора. В большинстве случаев вместо зерна они находили во дворах тела умерших от голода крестьян. Но даже после этих жутких находок они не прекращали своих поисков. Миссия этих партийных представителей была для нас загадкой. Ведь коллективизацию уже провели, и как проблема она отпала. Что же тогда они искали в нашем селе? Разве что правительству нужны были убедительные доказательства, что мы действительно все погибли? Как это ни удивительно, но такой ответ на этот вопрос кажется мне наиболее очевидным.

В одно из воскресений в июне нас созвали на собрание стохатки. Оно должно было состояться в бывшей Шевченковой хате. Когда мы с мамой пришли, собрание уже началось. Войдя внутрь, я увидел, что там всё полностью переделано: стены, которые раньше делили хату на две комнаты и кухню, снесли. Теперь это помещение превратилось в большой зал для собраний с возвышением под одной стеной и трибуной, с которой и говорил сельский тысячник "товарищ Лившиц". Стены были украшены, как водилось, портретами вождей партии, а длинное красное полотнище под потолком призывало: "Битва за хлеб – это битва за социализм!" Второй лозунг на стене справа сообщал: "Смерть кулакам!".

Я обвёл присутствующих взглядом, их набралось не так уже и много: зал был полон наполовину. Всего было человек тридцать, и каждый выглядел жалко: одни были исхудавшие, просто живые скелеты, а другие наоборот – распухли от голода. Но все одинаково молчаливые, угнетённые и безразличные ко всему.

"Товарищ тысячник" рассказывал о совместном постановлении Совета Народных Комиссаров и Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) о

планах хлебозаготовок из урожая 1932 года. Основным в его речи было утверждение о победе коллективного хозяйствования над единоличным. Опираясь на эту победу и ликвидацию кулаческих элементов в сёлах, твердил наш тысячник, СССР достиг небывалого развития в производстве зерна, расширил площади под посевы и добился увеличения валового сбора. В 31-м году хлебосдача государству увеличилась почти в два с половиной раза по сравнению с 28-ым годом, когда преобладала единоличная система хозяйствования. "Товарищ тысячник" ещё раз подчеркнул, что Советский Союз преодолел кризис в зернопроизводстве только благодаря реализации ленинской партийной линии. Затем он провозгласил, что в этом, 32-м, году, как Украина в целом, так и наше село должны сдать государству такое же количество зерна, как и в прошлом.

Закончив чтение и пояснения этого совместного постановления, "товарищ тысячник" перешёл к прославлению колхозного строя. Он всячески стремился доказать нам, что благодаря коллективизации сельского хозяйства СССР вскоре догонит и перегонит Америку и Западную Европу в производстве зерна. Увеличение хлебосдачи из урожаев 30-го и 31-го годов, говорил он, могут быть убедительным доказательством этого. В завершение выступления он выдвинул требование, что план хлебозаготовок в 1932 году должен быть выполнен любой ценой. И это нужно будет сделать сразу же после жатвы, не затягивая до указанного в постановлении января 33-го года. Тем самым мы, крестьяне, докажем свою преданность делу большевистской партии. На этом собрание закончилось Не было никаких вопросов, ни обсуждений. Очевидно, "товарищ тысячник" и его приспешники торопились как можно быстрее убраться. Их ну никак не интересовало услышать, что у нас люди мрут от голода.

Ободряющая болтовня "товарища тысячника" не содержала никакого здравого смысла. Названные им общие цифры хлебосдачи по всей Украине и по нашему селу в частности ничего не говорили и не значили конкретно для нас. Мы слишком хорошо знали и понимали, что наши закрома стояли пустыми. Мы также знали, что объяснять увеличение хлебосдачи в 31-м году в сравнении с 28-ым годом преимуществом колхозного хозяйствования по сравнению с единоличным было обманом.

Увеличение хлебосдачи имело совсем другие причины, мы это очень хорошо знали из собственного опыта. Чтобы увеличить хлебосдачу в 30-м и 31-м годах, у крестьян забрали, невзирая ни на что, все запасы и резервы, не оставив зерна даже для посева и совсем не беспокоясь об их потребительских запросах.

Страшным ударом для нас было известие тысячника о том, что в 32-м году мы должны сдать столько же зерна, как и в предыдущий год. Нам просто невозможно было выполнить эти требования. План хлебозаготовок на 32-й год составлялся не на основе ориентировочных подсчётов засеянного, выращенного и собранного зерна: он основывался только на нереалистическом плане официальных органов.

К колхозному труду наши крестьяне и не привыкли, и не интересовались им. В колхозе не хватало как рабочих рук, так и тягловой скотины. Из-за голода многие крестьяне или настолько ослабли, что не могли работать, или оставили село в поисках еды, поэтому много колхозных пашен стояло под паром. Большая часть – может и половина – зерна оставалась на полях после уборки; такие потери имели место на жатве 31-го года и еще больше их следовало ожидать во время жатвы 32-го. Кроме того, весной 1932 года крестьяне просто не имели запасов зерна для посева. Закрома стояли пустые или вообще были разобраны на дрова. Поэтому требование Москвы сдать в 32-м году столько же зерна, что и в предыдущие годы, было не только неосуществимым, но и угрожало катастрофическими последствиями.

В то время, когда "товарищ тысячник" со своей когортой продолжали кампанию хлебозаготовки в государственные засеки из урожая 1932 года, наша крестьянская жизнь менялась с плохой на худшую. Тяжелее всего приходилось тем крестьянам, которым уже было не под силу обрабатывать приусадебные огороды возле хаты или уже невозможно было работать в колхозе. Как уже упоминалось, те, что работали в колхозе, с недавнего времени получали каждый день по фунту печёного хлеба (или по одному или два фунта муки) да ещё и два раза в день их кормили горячей пищей, обычно какой-нибудь болтушкой, заправленной мукой. Этой еды едва хватало, чтобы удержать в живых рабочего человека, но всё же это было лучше, чем совсем

ничего. Трудоспособным крестьянам приходилось ещё и думать о том, чем прокормить своих иждивенцев, для которых они не получали дополнительных продуктов. Дети, старики и больные жили тем, что им украдкой приносили трудоспособные с места работы.

Перед лицом голода крестьяне к чему только не прибегали, лишь бы спасти себя и своих близких! Некоторые начали есть собак и котов. Другие ловили птиц: ворон, сорок, ласточек, воробьёв, аистов, и даже соловьёв. Не раз приходилось видеть, как голодные крестьяне искали в кустах над речкой птичьи гнёзда или пытались вылавливать в воде раков. Даже их несъедобные твёрдые панцири вываривали, а отвар из них употребляли в пищу. Целые толпы голодающих крестьян ходили по рощам и перелескам, выискивая какие-то корешки, грибы или ягоды. Некоторые пробовали ловить мелких лесных зверюшек.

Принужденные голодом, люди ели всё, что возможно: даже то, что уже испортилось – гнилую картошку, свёклу или другие корнеплоды, от которых в хорошие времена даже свиньи бы отказались. Ели даже сорняки, листья и кору деревьев, насекомых, лягушек, а то и слизняков. Не брезговали употреблять даже мясо больных коней и вообще скота. Часто это мясо было такое, что уже наполовину разложилось, а те, кто его ел, умирали от отравления.